

СКЛАДЧИНА

СБОРНИК СТАТЕЙ
к 50-летию профессора М. С. Макеева

*Под редакцией Ю. И. Красносельской
и А. С. Федотова*

О·Г·И

Москва
2019

УДК 82.091
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
С43

С43 **Складчина:** Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева; под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. — М.: ОГИ, 2019. — 264 с.

ISBN 978-5-94282-870-7

Сборник, составленный к юбилею профессора Московского университета М. С. Макеева, включает в себя работы его друзей, коллег и учеников. Значительная часть статей посвящена кругу тем и проблем, непосредственно занимавших юбиляра и создавших многообразные точки пересечения между ним и его научным окружением: это статьи, рассматривающие социальные и идеологические аспекты русской литературы 1840—1870-х гг., издательские практики, функционирование литературных институтов. Другие материалы сборника намечают более широкую историко-литературную перспективу, затрагивая самые разнообразные сюжеты: от традиции двуименности в петровскую эпоху до специфики метактанта — нововывявленного тропа на стыке метафоры и метонимии. Помимо научных статей, в сборник включена архивная публикация — дневник М. О. Гершензона за 1905—1907 гг.

- © Ю. И. Красносельская, А. С. Федотов, составление, 2019
- © Авторы статей, 2019
- © ОГИ, 2019

Редакторы Юлия Красносельская, Андрей Федотов
Корректор Ольга Португалова
Макет и верстка Наталия Заблоцките

Подписано в печать 12.11.2019 Формат 60×90/16
Гарнитура Petersburg. Объем 16,5 печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Содержание

От редакторов	7
<i>В. Ю. Апресян, М. Б. Гронас</i> Что такое метактант и с чем он нас ест?	11
<i>А. С. Бодрова</i> Издательская экономика А. А. Краевского в конце 1850-х — начале 1860-х годов	27
<i>А. В. Вдовин</i> «20 ноября 1861» Н. А. Некрасова: к некрологической семантике трехстопного анапеста в русской поэзии XIX века	52
<i>С. Н. Гуськов</i> Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте»)	63
<i>К. Ю. Зубков</i> Идеология и биография радикального разночинца в конце XIX века: Н. В. Успенский и Литературный фонд	71
<i>Г. В. Зыкова</i> «Читатель дорогой» в пушкинской «Осени» и вопрос о жанре (Об одном наблюдении М. С. Макеева)	95
<i>К. Ключкин</i> Women’s Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s—1870s	98
<i>В. В. Кононова</i> Mapping “Ancient Rus” in 1900: K. S. Stanislavsky Produces A. N. Ostrovsky’s <i>Snow Maiden</i>	122
<i>Ю. И. Красносельская</i> «Тень» К. С. Аксакова в полемике Л. Н. Толстого с панславистами 1877 г.	137

М. А. Кучерская

С миру по нитке: о возможном источнике поэмы Н. А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо» 158

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

Месяцеслов в руках Петра Великого: Крещение детей
А. Д. Меншикова и традиция русской христианской
двуименности 171

А. Л. Лифшиц

Смерть героя, или Еще раз о композиции романа
«Герой нашего времени» 186

А. Н. Першкина

Порфирий Петрович и реформы судебно-следственного
аппарата 1860-х гг. 193

М. О. Гершензон. Дневник 1905—1907 гг.

Публикация А. Л. Соболева 201

П. Ф. Успенский, А. С. Федотов

Изобретение социальной поэзии: от пения цыганок
к «Тройке» Некрасова 214

Е. И. Чумаченко

Место и функции отдела «Моды» в журнале «Современник»
1847—1848 гг.: текст и иллюстрации 243

Е. В. Яновская

Неизвестная работа С. А. Золотарева о Н. А. Некрасове
(из фондов ГАЯО) 257

Анна Феликсовна Литвина

(НИУ «Высшая школа экономики»),

Федор Борисович Успенский

(Институт славяноведения РАН, НИУ «Высшая школа экономики»)

Месяцеслов в руках Петра Великого: Крещение детей А. Д. Меншикова и традиция русской христианской двуименности*

Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь...

Н. В. Гоголь. «Ревизор»

(десятое явление четвертого действия)

Историкам петровского времени известно, что у сыновей Александра Даниловича Меншикова, крестным отцом которых стал не кто иной, как сам царь Петр, было по два имени. Старший из них, первенец князя, получил при рождении имена *Петр* и *Лука*, тогда как его младший брат, родившийся двумя годами позднее, стал *Павлом* и *Самсоном*. Однако оба умерли совсем маленькими детьми, и то обстоятельство, что каждый из них обладал двумя христианскими именами одновременно, широкого внимания исследователей не привлекало. Между тем этот факт способен, как кажется, расширить наши представления как о церковной повседневности Нового времени, так и о русской антропимической традиции в целом.

Поначалу может показаться, что Петр — а его позиция в этом деле была весьма деятельной и активной — предпринял очередной нова-

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 18-01-0040: «Феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

торский шаг: подбирая новорожденным двойные имена, он приобщал семью своего фаворита к некоторой условной общеевропейской практике, где полиномия была явлением более чем распространенным. Однако самый ход истории имянаречения на Руси убеждает нас, что ориентация на инокультурные образцы в данном случае играла роль далеко не первостепенную. Петр скорее переосмысливал и трансформировал некие модели, хорошо известные его соотечественникам на протяжении многих поколений.

В самом деле, к моменту рождения наследников Меншикова история собственно русской христианской двуименности насчитывала уже никак не менее четырех столетий. Двуименными были, например, причисленный к лику святых митрополит Московский Алексей, носивший в миру имена *Симеон* и *Елевферий*, тесть Дмитрия Донского — суздальский и нижегородский князь Дмитрий / Фома Константинович, великий князь Московский Иван III, обладавший еще одним именем *Тимофей*, царь Иван Грозный, который был еще и *Титом*. По два христианских имени имели князь Дмитрий Пожарский (*Косма*), боярин Борис Морозов (*Илья*), тетка царя Бориса Годунова и его сестры, царицы Ирины, Стефанида / Матрона Годунова, дядя первого Романова на троне Василий / Никифор Никитич Романов. Явление это не знали ни гендерных, ни сословных ограничений — в источниках под двумя христианскими именами фигурируют отнюдь не только представители знати, но и не столь родовитые, а то и вовсе безродные приказные, торговые люди, ремесленники, крестьяне и беглые холопы, вдовы и девицы, малые дети и отдающие предсмертные распоряжения старцы.

Если говорить о современниках Петра I, можно вспомнить, например, его родственников по первой жене, тестя Федора / Иллариона и племянника Федора / Авраама Лопухиных, невестку Петра, первую жену царя Федора Алексеевича Агафию / Евфимию Грушецкую или князя Василия / Кира Оболенского, боярыню Гликерию / Анфию Хитрово, смоленскую шляхтинку Феклу / Прасковью Потемкину, казначея и окольного Михаила / Филимона и его сына Федора / Прохора Лихачевых, скончавшегося в 1705 г. печатника и доверенное лицо царя Алексея Михайловича Дементия / Евсигния Башмакова, дворянина Федора / Матфея Протасьева, арзамасского помещика Дмитрия / Никиту Москотинева или москвича, погребенного в церкви св. Алексея Митрополита, «что на Глинищах», Дмитрия / Арефу Васильева, купца гостиной сотни Ивана / Петра Мокеева, стрелецких голов Степана / Федора Янова и Иакова / Георгия Лутохина, комельского крестьянина деревни Туфаново Федора / Луку Галактионова.

Краеугольным камнем этой собственно русской системы мирской христианской двуименности служил церковный календарь, а точнее —

представления о том, что весьма благочестивым поступком является наречение ребенка именем того святого, на день памяти которого младенец появился на свет. Выбор в таком случае как бы не был делом рук человеческих, но предопределялся всецело свыше. Если случалось так, что выпавшее по дню рождения имя (скажем, *Анфия*, *Кир* или *Филимон*) не подходило ребенку по родовым соображениям, было чуждо его семье, то в широких календарных окрестностях этой даты ему подыскивалось второе имя, под которым он и фигурировал в своей публичной жизни. Оно-то в первую очередь и запечатлевалось в связанных с этим человеком официальных документах, тогда как имя, данное по дню рождения, оставалось элементом его более интимной церковной жизни. Зачастую в текстах оно всплывало лишь там, где речь шла о последних днях земного пути или о посмертной судьбе его обладателя. Здесь оно и приобретало главенствующую роль — если человек решался принять постриг, по нему, как правило, выбиралось монашеское имя, дата поминовения после кончины также устанавливалась в соответствии с ним.

Так, один из князей Львовых, в своей публичной жизни именуемый *Алексеем*, обладал еще одним именем *Агапий*, данным ему по дню рождения. Соответственно, на память мученика Агапия (15 марта) его и предписывалось поминать. Точно так же обстояло дело с князем Иваном / Сергеем Татевым, который в повседневной жизни назывался *Иваном*, по дню рождения получил имя *Сергей*, а поминовение по нему совершалось на память св. Сергия Радонежского (25 сентября). Последний представитель рода Телятевских, князь Федор, обладал еще и именем *Епифаний*, поскольку появился на свет 12 мая, в день св. Епифания Кипрского — на этот праздник его и поминали.

Монашеское имя царского воспитателя и дворецкого Григория Васильевича Годунова, *Христофор*, начиналось на ту же букву, что и его непубличное, полученное при крещении имя — *Харитон*. Федор Адашев в иночестве сделался *Арсением* потому, что крещен был именем *Авксентий*. Окольный и думный дворянин Иван Хитрово постригся как *Антоний*, ибо его крестильным именем было *Анфим*¹. Разумеется, функции непубличного имени не ограничивались только тем, что касалась иноческой или посмертной судьбы христианина на Руси. При жизни на память святого тезки по непубличному имени люди устраивали заздравные корма, заказывали патрональные иконы, им посвящались нововозведенные церкви или приделы в храмах. Так, в церкви, постро-

¹ См. об этом подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. 13 / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2018. С. 241–280.

енной дьяком Федором / Кононом Апраксиным, имелся придел во имя св. Конона Градаря, а в церкви Иоанна Златоуста, которую строит великий князь Иван / Тимофей III, — придел апостола Тимофея.

Число разнообразных примеров такого рода можно многократно умножить. Христианская двуименность вплоть до петровского времени оставалась явлением довольно массовым, хотя на всем протяжении своего существования носила факультативный характер — в одном роду она была популярна меньше, в другом больше, в одной и той же семье часть детей могли обладать двумя именами, тогда как их братья и сестры оставались одноименными, отец, у которого в миру было лишь одно христианское имя, вполне мог дать два имени своему сыну или дочери и т. д. и т. п.

Так или иначе, двуименность на Руси постоянно закрепляла и актуализировала связь выбора имянаречения с календарем. Можно сказать, что она была самой яркой и броской приметой той месяцесловной зависимости, в которой пребывал человек русского Средневековья. Едва ли не каждый шаг в его жизни обретал не только дату, но и в известном смысле некое имя — имя того святого, чья память отмечалась в этот день. По крайней мере с XII в. свадьбы и кончины, дипломатические переговоры и природные явления, даты начала военного похода и день любого сражения, как крупного, так и мелкого, запечатлевались в тексте, да и в памяти участников таким образом, что имя святого как бы становилось именем события. Со времен Владимира Мономаха к эпохе Ивана Грозного эта тенденция лишь нарастала и усиливалась. Традиция светской христианской двуименности на протяжении многих столетий позволяла воплотить эту связь буквально и однозначно, поскольку одно из имен давалось ребенку в честь того святого, на день поминовения которого он появился на свет.

Казус наречения маленьких Меншиковых позволяет увидеть, в какой мере эта средневековая парадигма была актуальна для Петра. В самом деле, если мы посмотрим на имена двух братьев с точки зрения привычного для всей предшествующей эпохи функционального распределения, то объяснение выбора имен *Петр* и *Павел* едва ли вызовет какие-либо затруднения. *Петр* — это имя царственного крестного, которое он, как это практиковали многие государи, сам выбрал в подарок собственному крестнику. Царь поступал подобным образом неоднократно, свое имя он подарил, в частности, прадеду Пушкина Абраму Ганнибалу, который сделался *Петром* в крещении². Имя *Павел*

² См.: *Модзалевский Б. Л.* Родословная Ганнибалов // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* 1907. Вып. 2-й (10-й). С. 5. Напомним, что Абрам / Петр Ганнибал получил по крестному еще и отчество, сделавшись *Абрамом / Петром Петровичем.*

же устойчиво воспринималось как парное к *Петр*, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно оно было дано следующему ребенку мужского пола в этой семье. Достаточно вспомнить, что и своим собственным детям от Екатерины, умершим в младенчестве, царь охотно давал те же самые парные имена³. Скорее всего, именно *Петр* и *Павел* должны были стать, таким образом, для сыновей Меншикова именами публичными, манифестирующими близость их семьи к царю.

Характерно при этом, что новгородский митрополит Иов, говоря о младшем из братьев, называет его *Самсон Александрович*⁴ — поскольку речь идет о задравных молитвах, человек должен фигурировать в них не под публичным, но под своим крестильным именем, куда более важным для его церковной жизни. Вот эти-то непубличные имена братьев — *Лука* и *Самсон* — оказываются той самой ключевой точкой, где инновационное пересекается с традиционным. В самом деле, следуя привычной логике русской христианской двуименности, непубличные имена должны были выбираться по конкретной, жестко заданной дате — по дню появления ребенка на свет. Между тем время рождения обоих мальчиков известно, хотя и с разной степенью точности: *Лука* / *Петр* родился в ночь с 9 на 10 февраля 1709 г.⁵, тогда

³ Ср.: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) / Пер. Ю. Н. Щербачев; прим. заимствованы у Г. Л. Грове. М., 1900. С. 125 <прим. 2>.

⁴ См.: *Чистович И.* <А.>. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными людьми // Странник. 1861. № 2. С. 130. В исследовании И. А. Чистовича, предвещающем публикацию писем Иова, этот сын Меншикова однажды именуется *Самсон Григорий*, что, по-видимому, является ошибкой (см.: Там же. С. 73). Ср. также описание писем Петра I графу Ф. М. Апраксину: «Съ извѣщеніемъ отъ князя Меншикова о рожденіи у него втораго сына Самсона-Павла...» (Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. I. СПб., 1877. С. 523 <№ 298, § XII, под 1711 г.>).

⁵ Известна записка Петра Меншикову, оставленная перед отъездом из Белгорода в Воронеж и датированная 11 февраля 1709 г.: «Новорожденному Лукѣ-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворовъ на крестья; а гдѣ, то даю на вашу волю, гдѣ вамъ понадобится». Уже 12 февраля Меншиков писал своему управляющему: «Кузьма Думашевъ! объявляю вамъ, что Господь Богъ, по неизреченнымъ Своимъ щедротамъ, дароваль намъ сына, которому наречено имя Лука-Петръ, чего ради объявите во всѣхъ нашихъ вотчинахъ сущимъ іереямъ, дабы неизвычайными молитвами его поминали». 20 февраля в письме В. Л. Долгорукому, русскому послу в Дании, Меншиков пишет: «А на прошлой неделе в четверток, то есть в десятый день сего месяца, господь бог даровал мне сына, которому наречено имя Лука-Петр, а как в 11 день оного по христианскому обыкновению святым крещением освятили (где восприемником изволил быть его царское величество), тогда у части нашей кавалерии с неприятелем при местечке Городне был бой...» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX/2. М., 1952. С. 687; ср.: Там же. С. 686—687 <№ 3061>). Благодаря этой последней записке мы можем утверждать, что Лука-Петр был крещен сразу после своего рождения, 11 февраля.

как Самсон / Павел — во второй половине января (возможно, 18-го) 1711 г. Однако ни под 9, ни под 10 февраля не обнаруживается памяти кого-либо из святых с именем *Лука*, а на весь январь, да и на всю зиму, не выпадает ни одного поминовения св. Самсона. Иными словами, принцип наречения именем по дате рождения очевидным образом нарушается. Что же, однако, в таком случае легло в основу выбора имен *Лука* и *Самсон*?

Как ни удивительно, выбор этот все же был определен жесткой связью с месяцесловом, связью между именем святого и датой определенного события. В случае с Самсоном ответ на вопрос о том, что это за событие, напрашивается сам собой — на память св. Самсона Странноприимца, 27 июня 1709 г., произошла Полтавская битва⁶. Таким образом, младший из сыновей Меншикова получил имя строго по определенной дате, что полностью соответствовало традиции, но — вопреки ей — то была не дата его собственного рождения, а день сражения, столь важного и для его родного отца, и для отца крестного, и, разумеется, для всего государства. Из переписки Меншикова с женой выясняется, что и старший мальчик был наречен именем *Лука* по той же самой модели:

Сего числа имѣють кушать у меня его царское величество и королевское величество, понеже нынѣ воспоминаніе бывшей подѣ Калишемъ викторіи, такоже и тезоименитство нашего любимаго сына, какъ о томѣ и вамъ суть вѣдомо, которымъ торжествомъ, такоже и съ дражайшимъ именинникомъ, васъ поздравляю⁷.

Битва при Калише, упоминаемая в письме, состоялась 18 октября 1706 г., в день, когда церковь празднует память апостола Луки, причем считается, что победа в ней была одержана в первую очередь благодаря усилиям Меншикова. Мы видим, что нарекающие действуют так, чтобы празднование обоих именин совпадало с празднованием

⁶ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI/1. М., 1962. С. 371; Записки Юста Юля... С. 277 <прим. 2>.

⁷ *Есцов Г. В.* Жизнеописание князя А. Д. Меншикова, по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1875. Кн. III. № 7. С. 233–247; № 9. С. 47–74; № 10. С. 198–212; № 12. С. 200. По-видимому, аналогичным образом царь Петр в свое время упомянет в письме к Меншикову о том, как отмечали годовщину Полтавской битвы, а заодно и именины его второго сына. В письме от 30 июня 1711 г. мы обнаруживаем следующую ремарку: «Мы четвертого дни <т. е. 27 июня. — А. Л., Ф. У.> по благодарении за прошлое и прошение о будущем веселились гораздо, також и именинников здоровье не забыли» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI/1. М., 1962. С. 305 <№ 4544>).

военных триумфов крестного и родного отцов нарекаемых. О сугубо «милитарном» характере этих имянаречений свидетельствует и поздравление, которое Петр адресует Меншикову, отцу новорожденно-го Самсона / Павла, — царь шутливо замечает, что «рекрутом вас бог подаровал»⁸.

Итак, в определенном смысле можно утверждать, что и Петр, и его окружение сохраняют то календарное мышление, которым окрашена большая часть русского Средневековья, когда каждое событие накрепко связано с праздником и именем святого. Проявляться эта календарность мышления может по-разному. Так, человек может напрямую стремиться приурочить важное для него событие ко дню памяти своего собственного святого, резонно предполагая, что тот будет ему покровительствовать. Именно так могли действовать русские князья Рюриковичи домонгольского времени: герой «Слова о полку Игореве» Игорь / Георгий Святославич отправляется в свой знаменитый поход на половцев 23 апреля, на праздник св. Георгия Победоносца⁹, а Рюрик / Василий Ростиславич молниеносным и жестоким нападением возвращает себе Киев 1 января, на память св. Василия Великого, своего небесного патрона¹⁰. В этом отношении Петр I как будто бы ничем не отличается от древних русских князей, и, как это случалось и с ними, судьба не всегда идет навстречу его замыслу. Известно, что битву при Полтаве он стремился приурочить к 29 июня, к собственным именинам, однако Карл XII не оставил ему такой возможности, начав сражение на два дня раньше¹¹. Подобное структурирование реальности могло носить и более сложный, многоступенчатый характер. Известно, в частности, что в народной культуре подобное видение мира сквозь призму календаря воплотилось в представлениях о том, что у значимого праздника есть родители — день предшествующий может считаться его отцом¹², соответственно, в памятных датах и в выборе имени мог за-

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI/1. М., 1962. С. 58 <№ 4242>. При этом первенца Меншикова — Луку / Петра — Петр I произвел в поручики Преображенского полка.

⁹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I—XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841—2004. Т. II. М., 1998. С. 637 <под 1185 г.>.

¹⁰ ПСРЛ, Т. III. М., 2000. С. 45, 240.

¹¹ См.: *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 114—115.

¹² Ср.: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 42—44; *Толстая С. М.* Семантическая модель родства в славянском народном календаре // *Славяноведение*. 2002. № 1. С. 23—26.

действоваться не только самый праздник, но и его канун¹³. Судя по всему, подобный подход был не чужд и Петру, как не чужда ему была и некая общая идея неразрывной связи календаря военных событий и деторождения. Довольно выразительны в этом отношении его риторические построения относительно преемственности между битвой при Лесной и Полтавской победой. Петр называет первую «мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девяти-месечном времени оное младенца счастья совершенного роди, изчисли от 28 дня сентября 1708-го до 27 июня 1709-го»¹⁴.

Однако самое это рассуждение, как и наречение сыновей Меншикова, демонстрирует и несомненную дистанцию между традиционным календарным мышлением русского Средневековья и тем, что выстраивается на этом месте в эпоху Петра. Вместо простой предзаданности имени новорожденного свыше мы наблюдаем сложные эмблематические построения, где фигура только что появившегося на свет маленького христианина отодвигается в сторону, а на первый план выносятся некие концепты, связанные с прославлением военной мощи государства и военной стратегии государя.

Культ святых не менее сложным эмблематическим образом подчиняется этой же идеологической задаче. Характерно, к примеру, что скульптурные и живописные изображения Самсона — казалось бы, в полном соответствии с церковным календарем — становятся аллегорическим олицетворением Полтавской битвы. Однако зачастую мы видим здесь отнюдь не св. Самсона Странноприимца, священника, врача и покровителя бедных, на день которого (27 июня) вы-

¹³ С понятием кануна связан целый ряд интересных и неоднозначных особенностей русской христианской двуименности. С одной стороны, если речь шла о весьма почитаемых святых — Дмитрие Солунском, Георгии Победоносце или Иоанне Предтече, то поминовение обладателей имени *Дмитрий*, *Георгий* и др. в монастырях и больших храмах могло приурочиваться не непосредственно к празднику, но к его кануну. С другой стороны, если человек появляется на свет в такой вот предпраздничный день, у нарекающих есть, по существу, две возможности: отождествить канун с праздником и дать ребенку соответствующее имя или, напротив, намеренно проводя тонкое разграничение, дать ему два имени — одно непубличное, строго по дате рождения, а другое, публичное, по выпадающему на следующий день более подходящему празднованию. Из упоминавшихся выше лиц по этому второму сценарию был наречен, в частности, князь Иван/Сергей Татев (день его рождения, 25 сентября = память св. Сергия Радонежского, 26 сентября = память св. Иоанна Богослова). Особенно изысканные случаи двуименности связаны с тем, что человек получает два имени, публичное и непубличное, в честь двух святых, чья память празднуется в один день, и становится, к примеру, *Борисом* в крещении и *Глебом* в повседневном обиходе.

¹⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; под общей ред. А. А. Преображенского. Вып. I. М., 2004. С. 147.

падает знаменитая победа, а ветхозаветного Самсона¹⁵. Всякого рода слияния и отождествления одноименных святых — святых тезок с разными датами празднований — были бы вполне возможны и для русского Средневековья, но празднования силачу Самсону, раздирающему пасть льву, в православном месяцеслове нет и не было вовсе.

Если же вернуться к традиции двуименности как таковой, то следует повторить, что Петр одновременно и подхватывает, и разрушает ее. Весьма существенно, однако, что и в деле разрушения он со всей очевидностью не был первым. На протяжении нескольких столетий христианская двуименность была устроена так, что непубличное имя, выпавшее человеку по дню рождения, становилось для него крестильным, тогда как другое — публичное — при всей частотности употребления к церковной жизни имело более косвенное отношение. Однако уже в конце XV в. эта модель начинает видоизменяться, и расшатывают ее не кто иные, как представители правящего московского дома Рюриковичей. Как это происходит?

В эту пору великие князья по-прежнему дают части своих отпрысков по два христианских имени, но крестят их уже вовсе не в честь того святого, на день памяти которого новый член династии появился на свет, а его династическим публичным именем, более значимым с точки зрения манифестации власти¹⁶. Имя же, выпавшее по дню рождения, оказывается своеобразным благочестивым придатком с неопределенными, размытыми функциями. Если живший в XIV в. Дмитрий / Фома Константинович Суздальский правил как *Дмитрий*, а в крещении был *Фомой*, то его прапраправнук, московский великий князь Василий III, был *Василием* и в крещении, и на троне, хотя обладал и еще одним именем *Гавриил*, поскольку родился на Собор архангела Гавриила (26 марта). Сын Василия, царь Иван Грозный, вне всякого сомнения был крещен во имя Иоанна Предтечи, но при этом не забывал и своего второго имени, *Тим*, которое досталось ему по дню рождения (25 августа). По крайней мере двое из сыновей Грозного — Федор / Ермий и Дмитрий / Уар — были двуименными, однако их крестильными именами были династические *Федор* и *Дмитрий*, а отнюдь не *Уар* и *Ермий*.

Столь разительное сужение функций нединастического, непубличного имени было чревато, разумеется, его полной утратой,

¹⁵ Нельзя не учитывать, впрочем, что св. Самсон Странноприимец также задействуется в риторике петровского времени — царь, в частности, распоряжается воздвигнуть близ места сражения церковь в его честь (подробнее о знаках почитания св. Самсона см.: *Погосян Е. А.* Указ. соч. С. 114–115).

¹⁶ Подробнее об эволюции модели династической двуименности см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. P. 108–127.

что и происходит в династии Романовых, пришедшей на смену Рюриковичам. Здесь мы можем наблюдать весьма наглядный контраст: пока Романовы были боярским родом, двуименность у них вполне встречается¹⁷. Однако, едва взойдя на престол, они от нее отказываются — ни в семье Михаила Федоровича, ни в семье Алексея Михайловича (отца Петра I) обычая давать детям по два христианских имени уже не прослеживается. В новом царском роду имена подбираются в календарных окрестностях дня рождения на основании семейных или династических предпочтений. Если подходящим окажется имя, выпавшее непосредственно на день появления ребенка на свет (что случалось довольно редко), то могут дать и его, однако никакого последовательного стремления непременно запечатлеть эту дату в имянаречении у Романовых не было¹⁸.

Существенно при этом, что отсутствие собственной календарной христианской двуименности отнюдь не мешает Романовым вполне благосклонно и со знанием дела принимать ее в среде своих подданных¹⁹. Утрата двуименности начинается весьма постепенно и сверху — как явствует из приведенных выше примеров, и в XVII, да и в начале XVIII в. она вполне распространена во всех общественных стратах, кроме правящей семьи как таковой. Более того, и царский дом по-прежнему небезразличен к тем святым, на чью память приходится дни рождения его представителей. Отказ от использования их имен в имянаречении вовсе не означал отказа от их почитания. Лучшим доказательством последнего утверждения может служить церковное строительство самого Петра.

Как известно, одним из первых храмов Санкт-Петербурга стала возведенная на Адмиралтейском лугу деревянная церковь, посвящен-

¹⁷ Помимо уже упомянутого Василия/Никифора, двуименным был по крайней мере еще один царский дядя, рано скончавшийся брат патриарха Филарета — Иван/Лев Никитич Романов.

¹⁸ Об именах и датах рождения в семье Романовых см. подробнее: *Пчелов Е. В.* Антропонимия династии Романовых: Основные тенденции и закономерности // Именослов: Историческая семантика имени. Вып. 2 / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. С. 299—334.

¹⁹ В этом отношении чрезвычайно любопытны послания царя Алексея Михайловича к Юрию Алексеевичу Долгорукому, чьим еще одним светским христианским именем было *Софония*. Царь использует в своем письме оба имени князя, но при этом проводит весьма характерную функциональную дистрибуцию между ними: давая ему практические указания относительно конкретных действий, он обращается к нему *князь Юрий Алексеевич*; когда же речь заходит о том, как Долгорукому надлежит молиться со всем войском об успехе предприятия, царь использует инвокацию *рабе Божий Софоний* (Грамоты (Алексея Михайловича) к князю Юрию Алексеевичу Долгорукову / Публ. В. Ламанского // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. II. СПб., 1861. С. 756, 758, 760, 761, 765).

ная Исаакию Далматскому, где Петр впоследствии венчался с Екатериной. Пятью годами позже, в 1717 г., он заложил первый камень в основание нового храма во имя этого святого. Характерным образом новое каменное строение своим внешним обликом должно было перекликаться с Петропавловским собором — в честь апостола Петра, чья память отмечается 29 июня, царь был крещен, а на память Исаакия Далматского (30 мая) он появился на свет. Нет решительно никаких данных, говорящих в пользу того, что Петр носил имя *Исаакий*, однако трудно представить более зримое воплощение почитания им святого, на чью память он родился.

Закат старой традиции календарной двуименности, безусловно, приходится на петровское и послепетровское время, однако, как показывает казус с имянаречением сыновей Меншикова, он не был результатом прямых царских запретов или даже прямого негативного отношения царя к такой практике. Петр был явно не прочь поиграть с ней и, трансформируя, встроить в ту эмблематико-аллегорическую программу нового государства, которая столь активно выстраивалась во времена его правления. Календарная христианская двуименность угасала скорее под давлением общей тенденции к унификации во всех сферах государственной и общественной жизни. Постепенно вторые имена уходили из сферы публичного и официального; документы, как светские, так и имеющие отношение к церкви, не стремились ее зафиксировать и попросту отбрасывали. В известном смысле календарная христианская двуименность перестала вмещаться в новую, официально приемлемую модель номинации подданного российской империи — неприемлемой, в частности, оказывалась столь естественная для допетровской Руси возможность одному лицу именоваться в разных ситуациях, да и в разных бумагах, по-разному.

Впрочем, интересующая нас практика имянаречения не исчезает сразу и бесследно. Пожалуй, самым долгоживущим ее элементом оказывается представление о том, что один из наиболее благочестивых способов выбрать имя для ребенка — это наречь его непосредственно по дате рождения или по кануну этого дня. Именно так были наречены, например, родившиеся в середине XIX в. историк искусства Никодим Павлович Кондаков²⁰ или знаменитый политический деятель Павел Ни-

²⁰ «Родился я в 1844 г. 1-го ноября, назван был Никодимом во имя Печерского угодника, празднующегося 31 октября. Отец был очень набожный человек и наименовал родившегося во имя патрона канунного дня» (Воспоминания и думы Н. П. Кондакова. Prague, 1927. (Приложение к сборнику «Seminarium Kondakovianum», I. С. 10—11)).

колаевич Милоков²¹. Существенно, однако, что эти имена, полученные в честь св. Никодима Печерского (31 октября) и св. Павла Фивейского Пустынника (15 января), были для них единственными, никакого второго имени в XIX в. такое антропонимическое решение не подразумевало.

С другой стороны, порой поступали иначе. Ребенку давали одноединственное, подходящее по семейным соображениям имя, но при этом с первых дней жизни чтили не только его небесного тезку, но и того святого, на память которого он родился, т. е. действовали примерно по той же схеме, что и царь Петр по отношению к апостолу Петру и св. Исаакию Далматскому. Так, у современницы Пушкина Натальи Строгановой на родильной иконе был изображен св. Акакий, чья память отмечалась в день ее появления на свет, 7 мая²². Живший почти столетием позже Строгановой потомок историка Алексей Алексеевич Татищев, родившийся в ночь с 5 на 6 декабря, получил, в соответствии со своим красивым именем и календарем, сразу трех небесных покровителей²³.

Классическая же календарная двуименность как таковая еще встречается не только в середине XVIII столетия, но, по-видимому, и в начале XIX в. Так, в мемуарах скончавшегося в 1836 г. генерал-майора Льва Энгельгардта рассказывается, что в соответствии с днем появления на свет он был наречен *Харлампием*, а немного позже ему было дано семейное имя *Лев*²⁴.

²¹ «Я родился в 1859 г. 15 (28) января и получил имя Павла не от апостола, а от пустынножителя, в пустыни Фиваиды, — в силу обета родителей назвать меня именем святого того дня, когда я появился на свет. Мне было очень обидно впоследствии, что мое рождение и именины совпадали в один день: от этого, естественно, уменьшалось количество подарков от родных и знакомых. Мой брат Алексей, на год моложе меня, был в этом отношении лучше наделен судьбой» (*Милоков П. Н.* Воспоминания / Вступ. ст. Н. Г. Думовой. М., 2017. С. 29).

²² См.: *Ракитина М. Г.* Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI—XVII вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей. М., 2009. С. 68.

²³ «Родился я в нашей усадьбе — селе Беляницах — в ночь с 5 на 6 декабря 1885 г. <...> По обычаю семьи, с новорожденного сняли мерку и заказали образ вышнюю в рост младенца со святыми дня рождения и дня ангела. Так как я родился около полуночи, на моем образе три святых: св. Алексей, митрополит Московский, св. Савва Освященный, которого празднуют 5 декабря, и св. Николай Чудотворец, которого я всегда как-то особенно почитал и считал своим покровителем. В Беляницах же 6 декабря — зимний Никола — был праздником церковного придела зимней церкви» (*Татищев А. А.* Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906—1921). М., 2001. С. 9).

²⁴ «Я родился в 1766 году февраля 10 числа <...> Назвали меня Харлампием, но когда привезен я был родителями моими в Нижегородскую губернию, Арзамасского уезда в село Кирманы, к бабке моей Наталье Федоровне, то она, в память о сыне ея Льва, убитого в Семилетнюю войну, назвала меня его именем» (*Записки Льва Николаевича Энгельгардта, 1766—1836* / Издание «Русского архива» (с примечаниями и указателем). М., 1868. С. 2—3; *Энгельгардт Л. Н.* Записки / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и прим. И. И. Феодюкина. М., 1997. С. 15—16). 10 февраля празднуется память мученика Харлампия в Магнсии.

Сделавший более скромную военную карьеру майор артиллерии Михаил Васильевич Данилов, объясняя некоторые нестыковки в собственной генеалогии, апеллирует к тому, что у его предков могло быть, как и у него самого, по два светских христианских имени: «К тому ж и то прибавить можно, что не редко случается, одному дают после крещения имя другое, как и я был крещен Кузмою, а после назывался Михайло»²⁵.

Дольше всего эта традиционная модель календарной двуименности сохранялась в отдельных старообрядческих соглашениях, хотя и здесь она могла по-разному эволюционировать и по-разному интерпретироваться. В прочих же социально-культурных стратах двуименность, не исчезая вовсе, время от времени встречается и до наших дней, но строится она по совсем иным моделям, каждый раз нуждающимся в реконструкции и разгадывании. Так, двуименным был ординарец фельдмаршала М. И. Кутузова Николай / Филипп Колычев, умерший в 1865 г.²⁶ Очевидно, что имя *Филипп* он получил в честь митрополита Филиппа Колычева, наиболее знаменитого представителя семьи, причисленного к лику святых, однако мы ничего не знаем о том, что обусловило в данном случае выбор имени *Николай* и ориентировалось ли его имянаречение хоть каким-то образом на церковный календарь.

Весьма интересна двуименность у предков Пушкина, но и здесь мы уже не обнаруживаем ясной календарной мотивированности. В самом деле, основатель рода, крестник царя Петра, сохранил в России христианизированную форму своего докрестильного имени *Ибрагим* и звался то *Петром Петровичем*, то (гораздо чаще) *Абрамом Петровичем*. По крайней мере двое его сыновей — родной дед поэта и один из двоюродных — обладают двумя именами: *Осип (Иосиф) / Яннуарий* и *Исаак / Савва*²⁷. Насколько их наречение связано с календарем, установить практически невозможно. При этом обращает на себя внимание, что в качестве публичных им были подобраны ветхозаветные имена, тесно связанные с именем отца — *Абрам (Авраам)*. С другой стороны, имена Исаака / Саввы, возможно, отсылают к небесным покровителям тех, кто был земными покровителями отца ребенка, — царь Петр, как уже упоминалось, чтит св. Исаакия Далматского, тогда как св. Савву почитал в качестве тезоименитого патрона Савва Рагузинский, сербский вельможа на русской дипломатической службе, привезший маленького Ибрагима в Россию.

²⁵ Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842. С. 4–5.

²⁶ См.: Боярский род Колычевых, составленный Б<ароном> М<ихаилом> Л<ьвовичем> Б<оде> К<олычевым> / Сост. Б. М. Л. Б. К. М., 1886. С. 396 <№ 354>.

²⁷ См.: *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 5, 7.

Если говорить о наречении более позднем, то вовсе никакой календарной детерминированности не прослеживается, к примеру, в именах историка Алексея / Александра Николаевича Норцова, скончавшегося в 1922 г., хотя он в духе старинной традиции называет одно из своих имен «молитвенным»²⁸.

Весьма характерно, что, постепенно сходя со сцены, календарная двуименность все хуже опознается современниками и потомками ее обладателей. То, что прежде воспринималось как нечто обыденное и распространенное, теперь требует зачастую каких-то особенных разъяснений, специального родового нарратива. В этом отношении очень показателен эпизод из так называемых «Рассказов бабушки», записанных Д. Благово, где повествовательница, говоря о своей матери, замечательно подробно и точно описывает и процедуру двойного имянаречения, и его мотивы, и функциональное распределение между двумя христианскими именами одного лица, вполне соответствующие средневековой антропонимической практике, но относится к ней скорее как к сугубо штучному, индивидуально-семейному казусу, нежели как к устойчивой традиции:

Матушка была сама по себе княжна Щербатова <...> Когда она родилась, — это было 7 октября 1743 года, — дедушка находился в отсутствии, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8-го дня. Дедушка Щербатов скоро возвратился и очень опечалился, что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, как он намеревался, в честь своей матери (второй жены его отца, князя Осипа Ивановича Щербатого, женатого на Аграфене Федоровне Салтыковой), и решил, чтобы называть ее Аграфеной, но именины она всегда праздновала октября 8-го; при венчании ее называли Аграфеной, но отпевали Пелагией...²⁹

Еще более зримо дистанцированность от некогда столь привычной практики двуименности проступает в рассказе Пушкина о наречении Абрама / Петра Ганибала. Это и неудивительно, ведь здесь поколенческая дистанция куда более существенна, поскольку речь идет о прадеде поэта, а случай с его двуименностью — не вполне стандартный.

²⁸ «Родился 23 июля 1859 г. в имении Березовка-Сабуровка, Трескинской волости Кирсановского уезда и первоначально получил молитвенное имя Александр; крещен 30 июля и назван Алексеем; восприемницей моя бабушка Елизавета Дмитриевна Слепцова» (Норцов А. Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями (с гербами, портретами и таблицами). Тамбов, 1904. С. 411 <№ 56>).

²⁹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885. С. 22.

Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом³⁰.

Плакал ли на самом деле арапчонок Ибрагим, не желая именоваться своим новым крестильным именем, сказать трудно, но в его время множество детей и взрослых звали не тем именем, которым их крестили, впоследствии различались обиходные и крестильные имена и у сыновей Ганибала, так что слезы арапчонка следует считать скорее элементом семейной беллетризации, призванной объяснить уже ставшую непривычной ситуацию двуименности. В XIX в. феномен светской христианской двуименности оказывается забыт даже исследователями русского Средневековья, и, обнаружив у того или иного лица второе мирское имя, они зачастую объявляют его именем иноческим, даже если о монашеском постриге нет решительно никаких сведений. Массовое же сознание порой начинает усматривать во все более раритетных случаях светской христианской двуименности намеренную перемену имени, хитрость, призванную что-то утаить или вытащить на свет Божий нечто, не существующее в действительности. Культурную забывчивость такого рода Гоголь, по всей вероятности, обыгрывает в «Ревизоре», в той сцене, что вынесена нами в эпиграф, — купцы твердо убеждены, что городничий из особой корысти приписывает себе небывалое двойное именование. Зрителю же так и не суждено узнать наверняка, правы ли они, или злополучный Сквозник-Дмухановский и в самом деле был обладателем двух христианских имен, *Антон* и *Онуфрий*, что вовсе не невозможно в эту эпоху³¹.

Классическая календарная двуименность со временем все чаще смешивается с практикой надления домашними именами, семейными прозваниями и — с другой стороны, с традицией псевдонимов и самых разных моделей перемены имени, связанных с приобретением к другой этнической, конфессиональной или социокультурной среде. Известно, например, что под двумя именами фигурировала жена поэта Н. А. Некрасова Фекла Анисимовна, которая значительную часть жизни именовалась *Зинаидой Николаевной*, однако что в точности стояло за этим именованием, еще требует дальнейшего исследования.

³⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / Под ред. Б. В. Томашевского. Т. VIII. М., Л., 1951. С. 78.

³¹ Об этом эпизоде из «Ревизора» см. также: Лифшиц А. Л. Как зовут персонажей комедии «Ревизор» // Имя в литературном произведении: Художественная семантика. М., 2015. С. 217–230; впрочем, автор не касается в своем исследовании традиции светской христианской двуименности как таковой.